

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

От редакции

Дорогие читатели! Мы продолжаем публиковать отдельные главы из сочинения «Vita» Г. Сузо, в которых подробно описываются его созерцания, аскетическая практика, странствия и излагается его мистагогическое учение, представляющее собой новый этап в развитии доктрины Иоанна Экхарта. – Перевод осуществлен по изданию: *Seuse H. Deutsche Schriften / Hrsg. von K. Bihlmeyer. Stuttgart, 1907.* Перевод и вступление выполнены постоянным автором нашего журнала доктором философских наук М.Ю. Реутиным.

МИСТАГОГИЯ Г. СУЗО

М.Ю. РЕУТИН

*Институт высших
гуманитарных исследований
при Российском
государственном
гуманитарном
университете*

e-mail: mreutin@mail.ru

Глава XLVI. Доброе различие между истинным и ложным разумением в некоторых людях

«Sicut aquila provocans ad volandum pullos suos etc.»¹

После того, как сия святая дочь воспитывалась добрыми наставлениями своего духовного отца во всяком благочестии с помощью зримых картинок, сообразно внешнему человеку (тем самым уподобляясь размягченному воску подле огня, ставшему восприимчивым к форме печати), и долгое время тщательно взращивалась посредством образцовой жизни Христа, Он же есть надежнейший путь, после этого написал ей духовный отец:

«Государыня дочь, вот и настало, кажется, время, чтобы впредь тебе шествовать высшим [путем], выпорхнув из гнезда зримых радостей. Исполни сие, как молодой, окрепший орел, прости подросшие крылья – я имею в виду высшие силы души – в высь созерцательного благородства блаженного и совершенного жития. Ты разве не знаешь, что сказал Христос Своим ученикам, которые чрезмерно дорожили Его зримым

¹ Ср.: Втор. 32, 11. Г. Сузо приводит стих в звучании: «Подобно орлу, который призывает птенцов своих, чтобы летать, и т.д.».

присутствием в мире: “Лучше для вас и полезней, чтобы Я ушел от вас, если вы хотите воспринять Духа”². Твои предыдущие упражнения стали для тебя изрядной подготовкой, чтобы пройти сквозь пустыню звероподобной и неразумной жизни в обетованную страну чистого и спокойного сердца, в котором блаженство здесь начинается, а в том мире продолжается вечно. И дабы этот разумный и возвышенный путь стал тебе лучше известен, мне хочется тебе посветить огнем доброго различения, чтобы, вполне усвоив сие различие, ты ни в чем не преткнулась, как бы высоко ни воспарила в своих помышлениях. Итак, заметь себе:

Существует два рода благообразных людей. Иные из них ведут разумную, а иные – неразумную жизнь. Первые суть люди, направляющие свои мысли на то, чтобы все их разумение, действие, праздность были обустроены с подлинной рассудительностью, в соответствии с мнением святого Христианства, Богу во славу и ради спокойствия всех прочих людей, с заботой и попечением о словах и делах – да не случится ни у кого по их вине преткновения, если только, конечно, оно не возникнет из своего собственного греховного основания, как это не редко случается. Иметь столь осторожное поведение и придерживаться блаженного образа жизни – не в этом ли состоят естество и имя разумности? Сей разум богоподобен и достохвален, ибо в сокровенной истине он сияет в себе самое, подобно тому, как светится небо своими яркими звездами. Что касается благообразных людей, ведущих неразумную жизнь, то они устремлены к образу себя же самих, наделенных несокрушенным естеством. Пристально взирая на вещи, изучая их лишь своим разумом, сии умеют высокомерно рассуждать пред людьми, не искушенными в этих вещах, в совершенном пренебрежении тем, что в их слово и дело может закраситься нечто превратное. Свет разумения этих людей не простирается внутрь, но скользит поверху, как то случается с гнилой древесиной, слегка светящейся по ночам, самой же по себе сущей ничто. Вот так внутренний свет и внешнее поведение этих людей оказываются сплошь несходными с тем, на что они должны походить.

Подобных людей легко распознать по свободным и безрассудным словам, которые они изрекают. Из них мы выберем только одно изречение, по нему можно судить обо всех остальных. Ведь это кем-то из таких людей сказано в одной верше: “Праведнику не следует опасаться препятствий”³. Это изречение и прочие вроде него кажутся чем-то изрядным в глазах подслеповатых людей, однако со стороны людей зрячих они не находят поддержки, ведь эти-то разумеют, что они означают. И сие отчетливо видно на примере приведенного выше речения, в котором говорится, что праведнику не надо-де избегать никаких препятствий. Но что такое есть праведник и что такое препятствие? Праведник, согласно общему значению слова, есть праведный человек, взятый в смысле его окачествованности. Ведь праведное не существует само по себе, оно должно иметь какой-то субъект, и здесь им является праведный человек. Ну, а что есть препятствие? Это – грех, отделяющий человека от Бога. Как же праведному человеку не опасаться препятствий, иными словами не избегать и не бояться грехов? Это совершенно ошибочно и противно всякому верному разумению. Но правильно вот что: поскольку праведный человек и все вещи, в соответствии с их вечной несотворенной неставшестью, суть одно и то же и не обладают формальным различием в сверхсущем разуме Бога, постольку приведенное изречение можно оставить в силе. Но в препростом сверхсущем основании праведный человек – это вовсе не плотский человек, ибо в Божестве нет телесности. Там же нет и препятствий. Однако всякому человеку понятно, что он – *сеи* человек, или человек вне этого самого основания. Тут он смертен, там нет! И здесь, в своей тленной тварности, он, несомненно, нуждается в том, чтобы сторониться пагубных препятствий. Ну, а если бы я теперь в моем представлении пожелал стать ничем и не захотел осознавать сам себя в образе тела, но захотел бы, презрев всякое различие между мною и Богом, следовать всем похотям плоти, словно им послушен [не я, но] несотворенная сущность, то это было бы преступлением, худшим всех других преступлений.

² Ср.: Ин. 16, 7.

³ Одно из типичных высказываний приверженцев пантеистической секты «Братьев свободного духа», документированных инквизиционной комиссией в швабском селении Риз в 1270-1273 гг.

Итак, можно увидеть, что на самом деле изречения подобного рода не содержат в себе верного разумения. Впрочем, да не вздумает кто-нибудь отрицать благоразумные наставления либо осмотрительные высказывания и рассудительные сочинения, которые, отымая у человека его грубость, размеренно и постепенно подводят его к умопостигаемой истине, пусть даже не каждый тотчас их понимает. Ибо достоверно известно, что грубой слепоте и безрассудному скотству ничего не понятно, чтобы им ни сказали».

Дочь отвечала: «Будь благословен Бог ради сего доброго различения! А сейчас мне бы хотелось послушать о различии между подлинным разумом и высокомерным рассудком, а также между ложным и истинным бесстрашием».

Служитель сказал:

Глава XLVII. Различение между правильным и высокомерным разумением

«После первых схваток, которые происходят при подавлении крови и плоти⁴, приблизишься к глубокой пучине, и иной человек в ней утопает. Это-то и есть высокомерное разумение. Что означат сие слово? Высокомерным разумением я называю вот что: когда человек изнутри бывает очищен от грубости прегрешений, освобожден от навязчивых образов и радостно воспаряет над временем и пространством, к которым был прежде привязан, так что не мог проявить своего естественного благородства. Но вот, разумное око устремляется вверх, человек познает другую, лучшую радость (она же таится в познании истины, наслаждении божественным блаженством, проникновении взором во всегда современное сейчас вечности и подобном), и тварный разум начинает различать в себе самом и во всем некую толику разума вечного и нестывшего – и тогда в человеке просыпается некое удивление, ибо он впервые взирает на себя самого: чем был прежде и чем стал сейчас, и он понимает, что был некогда нищим, пороженным от Бога и жаждущим, в полной мере слепым, и Бог был далеко от него. Теперь же мнится ему, что он Богом исполнен, что нет ничего, что не является Богом, что, далее, Бог и все вещи суть одно единое-единое... И вот, такой человек объясняет все вещи слишком поспешно, незрело, кипит от гордости внутри себя самого, подобно бурлящему, еще не перебродившему сидру, слишком доверяя тому, что выдумал сам или чему его без всякого различения кто-нибудь научил, кто похож на него и кого он только и слушает, как никого больше. Так он намерен и впредь толковать все вещи, как ему заблагорассудится, хотя они, взятые таковыми, каковы по природе, от него ускользают: будь то ад или Царство Небесное, диавол или ангел. Пренебрегает он и подверженным страданиям человечеством Христа, поскольку в Спасителе видит лишь Бога. Вещи ему не открылись вплоть до своего основания, в соответствии с их различимостью – как они пребывают и как обращаются в тлен. С такими людьми бывает как с пчелами, когда те делают мед. Едва они просыпаются и вылетают из улья, то начинают бестолково носиться туда и сюда, сами не зная куда; одни из них заблудятся и пропадут, другие в порядке возвратятся домой. Так же происходит и с этими людьми: созерцая Бога беспокойным умом как все во всем, им приходится, по причине несовершенного знания, отсекают то либо это, толком не ведая, как это делать. Оно, конечно, и верно: должно все отделиться, если хочешь достичь вечной цели, но как такому отделению [от земного] надлежит совершиться, того подобные люди пока что не знают. В своей дерзости желают они отбросить это и то, понимая себя и все вещи как Бога, и отсюда действовать без различения. Такая ошибка проистекает либо от неученой простоты, либо из неизжитого лукавства. И иному человеку начинает сдаваться, что, сумев выйти из себя самого и покинув себя, он достиг всего. А это не так, ибо он лишь прокрался чрез ров еще не захваченной крепости, укрывшись защитным навесом, опасно и проворно прячась под ним, и не умеет пока низойти в подлинном отречении от своей духовно богатой сущности в истинную нищету, которой некоторым образом сторонится все чуждое ей и которой, не препятствуя свободе человека, ответствует простое вечно сущее Божество, о чем с добрым различением будет сказано ниже.

⁴ Ср.: Ин. 1, 13.

Смотри, вот точка, в которой некоторые люди неявно прозябают многие годы, не умея ни выйти из нее, ни войти. Но тебе от меня будет подана помощь, приправленная рассуждением, так что ты не заблудишься.

Глава XLVIII. Доброе различие между истинным и ложным бесстрашием

Следует знать, что существует три вида прекращения. Первое – это полное прекращение, когда что-то так само в себе прекращается, что его более нет. Так исчезает и тень, обращаясь в ничто. Но дух человека так не исчезает при его смерти, каковой дух мы именуем разумной душой. Сия пребывает вовеки благодаря свойственному ей разумному благородству своих богообразных сил, ибо Бог есть сверхсущий разум, и душа соделана разумной подобно Ему. А потому невозможно, чтобы она стала ничем, наряду со смертным телом, которое обращается в ничто.

Другое прекращение называется прекращением наполовину, у него имеется свое время и час, и оно происходит с людьми, восхищенными созерцательным образом в обнаженное Божество, как то было с Павлом. Бывает оно и без восхищения, когда человек путем отказа от всяческих образов освобождается от всего и исчезает для себя самого. Но такое не продолжается долго. Вот Павел, едва пришел он в себя, то обнаружил себя прежним Павлом, таким же человеком, каким был и прежде⁵.

Третье прекращение называется заимствованным. Это когда человек, в отказе от своей свободной воли, предает себя Богу в каждый отдельный момент, в который себя обретает, – причем так, что словно ничего не ведает о себе самом, и лишь Бог является его Господином. Но и сие прекращение не может длиться всегда, покуда тело и душа остаются вместе друг с другом. Ибо, стоит человеку только покинуть себя самого и подумать, что, перейдя в Бога, он прекратил существовать, поскольку утратил всю свою самость, так что больше не воспринимает себя, то в тот же самый момент он и его плут возвратится к себе самому, и он окажется тем же самым, каким был и прежде, и ему останется покидать себя снова и снова. Если же кто-нибудь вздумает действовать из сего большого бесстрашия, то это будет совершенно неправильно. Впрочем, верно вот что: насколько ты отдались от себя самого и будешь поят в оное прекращение, настолько продвинешься на пути к подлинной истине.

Нужно, далее, знать, что бесстрашие бывает двоякого рода, и одно именуется предшествующим бесстрашием, а другое – бесстрашием последующим. Различие между обоими поймешь на примере. По причине злобности своего естества, вор имеет [неизменное] рвение и тяготение к тому, чтоб воровать. Сему прекословит его рассудительность: тебе этого лучше не делать, это грешно. Если бы он вышел из себя самого, вручив себя рассудительности, то это было бы предшествующим, а вместе с тем и наиболее благородным бесстрашием, ибо тогда он остался бы в своей невиновности. Ну, а если вор не пожелает вручить себя ей, но захочет следовать собственной злобности, то позже, когда он, будучи пойман, увидит, что вот-вот будет повешен, наступит последующее бесстрашие, так что он смиренно обречет себя на смерть, поскольку иначе не может и быть. Сие бесстрашие тоже не худо, и оно сделает вора блаженным, но первое несравненно благородней и лучше.

Потому не следует давать себе волю и впадать в прегрешения, вопреки тому, что говорят иные неразумные люди: что человеку-де надлежит испытать всякий грех, если он желает достичь совершенного бесстрашия, – это неправильно. Ибо дураком будет тот, кто добровольно бросится в грязную лужу, чтобы быть после этого краше. И потому же самые благочестивые из Божьих друзей твердо стоят на том, чтобы покидать себя до основания и постоянно оставаться в предшествующем бесстрашии без всякого возвращения [к своей воле], насколько то допускает человеческая слабость. А если сие не получится, то они испытывают скорбь. Конечно, пред другими людьми они имеют то преимущество, что могут проворней преодолеть это препятствие, ибо из самой этой скорби тотчас рождается последующее бесстрашие, которое скоро их возвращает на истинный путь, то есть чело-

⁵ См.: 2 Кор. 12, 2.

век, обретя себя все еще человеком, станет терпеть себя Богу во славу. Так что сие последующее бесстрашие бывает полезно для познания себя самого: скорбь в качестве скорби здесь прекращается, и человек в простоте снова порождает себя в то же самое и становится тем же, чем был изначально.

Ну, а случись так, что какой-нибудь несовершенный человек, решив и тут помочь себе воровским образом, скажет: «Если вернешься к прежнему, греховному, состоянию по случайности, приложенным образом, и вовне станешь творить некие прегрешения, то как это может тебе повредить, ибо сущность твоя при всяком возврате к исполнению собственной воли останется без изменения», то я отвечу ему, что он не понимает сам себя и не знает, что говорит. Да и всем ученым мастерам это известно, если они понимают, что означает название «случайное». Случайным называется то, что прилагается к подлежащей сущности и отлагается от нее без разрушения самого под-лежащего, как цвет к доске или от доски. Но в настоящем случае это не так, ибо душа и тело, которые сии люди в своем неразумии называют «случайным», суть две существенные части, составляющие сущность человека и присутствующие в нем не случайным образом. Посему всякий человек, как бы ни он ни разумел, что значит покинуть себя или возвратиться к себе, обладает этой способностью, творя добро или грех. Ибо уничтожение духа, его исчезновение в препростом Божестве, всякое благородство и совершенство нельзя понимать в смысле такого преобразования его сотворенной природы, что то, чем является он, является Богом, и что человек этого не сознает только вследствие присущей ему грубости, что дух становится Богом, а собственная его сущность обращается в ничто. Нет, преобразование случается в исхождении из себя самого и в забвении себя самого в созерцании – и лишь так, в исторжении, дух истощается правильным образом, и ему это во благо. Ибо для него Бог стал всеми вещами, и все вещи стали для него как бы Богом, представ пред ним в том самом виде, в каком они обретаются в Боге. И все-таки всякая вещь остается тем, чем является в соответствии со своей естественной сущностью. А неразумная слепота и невоспитанное разумение не может либо не желает взять этого в толк, руководствуясь оным правильным различием.

Исходя из этого доброго различения, ты сумеешь правильно уразуметь следующие далее благоразумные суждения и наставления, которые увлекают человека от присущей ему грубости и направляют его к высшему блаженству.

Глава L. О возвышенных вопросах, которые преуспевшая в учении дочь задавала своему духовному отцу

После того, как внешний ее человек был разумно введен в сокровенного, у дочери возникли в духе возвышенные вопрошания, и она подумала о том, не отважиться ли ей обратиться с ними к Служителю. Он ответил: «Хорошо, поскольку ты правильно возведена по промежуточным ступеням, твоему духоносному разуму вполне позволительно вопрошать о возвышенном. Спрашивай, о чем пожелаешь». Дочь спросила: «Откройте мне, что такое Бог или где Бог, или каков Бог? Меня удивляет, как это Он прост и все же троичен?»

Он ей отвечал: «Бог свидетель, твои вопросы очень возвышенны. Что касается первого, что такое Бог, то знай: ни один учитель, сколько бы ни было их, так и не смог этого выяснить, ибо Бог выше не только чувств, но и разума. И все-таки усердный человек обретет в результате старательных поисков некоторое знание о Боге, но это знание будет весьма отдаленным – и в нем обретается высшее блаженство людей. Таким путем Бога когда-то искали добродетельные языческие мастера, и особенно самый разумный из них, Аристотель. Наблюдая за движением природы, сей размышлял, каким мог бы быть тот, кто является ее Властелином. Он искал Его усердно и нашел Его, доказав, исходя из благоупорядоченного движения естества, что по необходимости должен быть один единственный Князь и Хозяин всех тварей, и Его-то мы называем Богом.

Об этом Боге и Господине с определенностью ясно лишь то, что Он является самостоятельной сущностью, что Он вечен, без до и потом, прост, неизменен и представляет Собой бестелесный, сущностный Дух, чья сущность есть Его жизнь и Его действие, чей сущий разум знает все вещи в Себе Самом и Собою Самим и чья сущность сама по себе есть веселье и бесконечная радость. Он – сверхъестественное, неизъяснимое, чреватое

наслаждением блаженство для Себя Самого, а также для тех, кто желает Ему приобщиться созерцательным образом».

Дочь возвела очи горе и сказала: «О, об этом радостно слышать, ибо сие трогает сердце и возводит дух sursum, высоко над собою самим. Посему, любезный отче, расскажите мне об этом побольше».

Он сказал: «Послушай, божественная сущность, о которой следует речь, – это такая разумная субстанция, которую саму по себе смертное око увидеть не может. Но Бога можно хорошо разглядеть по Его действиям, подобно тому, как доброго мастера можно узнать по делам, ибо, как изрек Павел, “Творения суть как бы некое зеркало, спекулум, в коем отражается Бог”⁶, и потому такое познание называется спекуляцией.

Давай же ненадолго остановимся здесь, давай, спекулируя, рассмотрим возвышенного и достойного Мастера по тому, что Он сделал! Посмотри над собой и окрест себя в четыре конца этого мира: как широко, как высоко прекрасное небо в его быстром беге, сколь благородно Мастер украсил его семью планетами, и каждая из них, за исключением разве что только Луны, гораздо больше всего царства земного, как оно убрано бесконечным числом ясных звезд. Ах, вот прекрасное солнце, не закрытое облаками, весело воссияло в летнюю пору: оно равномерно раздаст по земле плоды и всякие блага! Прорастут листья и травы и радостно засмеются цветы! Лес, пустошь, долина огласятся сладостным пением соловья и других малых птах! Все звери, заключенные суровой зимой, выйдут наружу и начнут, радуясь, спариваться! В блаженной радости возвеселится стар и млад среди людей! Ах, Боже милостивый, коль скоро Ты так чуден в сотворенном Тобой, то как же Ты прекрасен и дивен Сам по Себе!

Гляди дальше, прошу я тебя, и посмотри на четыре стихии: землю, воду, воздух, огонь и на всякие чудеса, которые в них обретаются во всем их несходстве: среди людей, зверей, птиц, рыб и дивных обитателей моря, – все вместе они восклицают и вопиют: хвала и слава безграничной и чудесной непомерности, сущей в Тебе! Господи, кто все это содержит и кто все это питает? Ты печешься обо всем и о каждом, как кому подобает, о великом и малом, о богатом и бедном! Ты, Боже, Ты делаешь это! Ты, Боже, – воистину Бог!

Ну, так вот, государыня дочь, ты обрела своего Бога, Которого твое сердце долго искало. Посмотри теперь ввысь: играющими очами, смеющимся ликом и резвящемся сердцем. Воззри на Него и обними бесконечно распростертыми дланями твоей души и твоего разума, воздай Ему благодарность и честь, высокородному Князю всей твари... Погляди-ка, из такого созерцания в восприимчивом человеке вскоре возникнет сердечное ликование. Ликование – это радость, которую нельзя выразить никаким языком, но которая изливается в сердце и в душу и мощно пронизывает их.

Ах, посмотри, нынче я в себе самом примечаю, хочется мне того или нет, что уста души моей отверзлись к тебе, и, вот, я должен опять, Богу во славу, открывать нечто из того потаенного, что скрыто во мне, о чем я никогда не рассказывал ни единому человеку. Послушай, знал я одного проповедника – в самом начале его пути и потом не меньше десяти лет по два раза на дню, утром и вечером, в него вливалась обильная благодать, и она длилась столько, сколько продолжается пара вигилий. В течение этого времени он так глубоко погружался в Бога, вечную Премудрость, что не умел о том и поведать, а меж тем, он любовно беседовал с Богом, затем горестно вздыхал, потом бурно рыдал, иногда же беззвучно смеялся. С ним зачастую случалось, что он как бы парил в воздушных, плавающих между временем и вечностью, в глубокой пучине бездонных тайн Божьих. Из-за этого его сердце было так переполнено, что порою, когда оно бушевало, проповедник возлагал на него руку и говорил: “Увы, сердце мое, что же будет ныне с тобою!”

Один раз ему было явлено, что сердце Отцово – как бы духовным образом, несказанно – нежно склонилось к его сердцу (при этом между ними ничего не осталось), его же сердце жадно потянулось вверх, к сердцу Отца, и ему показалось, что сердце Отцово любовно и безобразно изрекло в его сердце вечную Мудрость. В духовном ликовании он начал радостно говорить: “Вот, мой любезный Возлюбленный, я обнажаю сердце мое и, в простой обнаженности от всяческой твари, обнимаю Твое безобразное Божество. Ты, Лю-

⁶ Ср.: Рим. 1, 20.

бовь превыше всякой любви! Даже величайшей любви того, кто в этом времени любит, приходится мириться, когда она любит, с различием и разделением на любящего и любимого; а Ты, бездонная полнота всякой любви, изолишься в сердце любимого и вольешься в сущность души, обнаженное Все во всем, так что у любимого не останется неза тронутой ни одна его часть, но любовно объединится с Тем, Кто его любит».

Дочь сказала: «Ах, Боже, сколь велика сия благодать, когда человек в ликовании столь глубоко погружается в Бога! Мне хотелось бы узнать, это ль высшее или нет?» Служитель ответил: «Нет, это всего только манящее предварение к тому, чтобы войти в существенное поглощение». Она спросила: «Что Вы зовете существенным, а что не существенным?» Он отвечал: «Существенным я именую того человека, кто благим, постоянным делом стяжал добродетели, так что в состоянии высшего благородства они стали ему вождельны и в нем постоянны, подобно тому, как в Солнце неизменно пребывает сияние. А несущественным я именую того, кому свет добродетели светит непостоянно и несовершенно, будучи как бы одолженным, наподобие света Луны. Однажды испытанная благодатная радость манит дух несущественного человека, и он ею хотел бы обладать постоянно. Как дарование благодати в нем рождает веселие, так ее отъятие порождает в нем печаль и смятение. Такому человеку претит посвящать себя прочим делам, и сие я хочу тебе показать».

Как-то случилось, что Служитель направлялся в дом капитула, и его сердце было полно ликующей божественной радостью. Но явился привратник и вызвал его к воротам, к некоей пожелавшей исповедаться жене. Он с досадой отвлекся от внутренней радости, сурово обратился к привратнику и велел ему отослать ее к кому-то другому, он-де не желает сейчас принимать у нее исповеди. Сердце той жены было обременено неким грехом, она сказала, что доверяет только ему, что он один ее сможет утешить, и не хотела исповедоваться никому, кроме него. Поскольку Служитель не пожелал приходить, она разрыдалась от охватившей ее сердечной печали, побрела горестно прочь и, пристроившись где-то в укромном углу, еще долго плакала... Меж тем Бог немедленно отнял у Служителя исполненную радости благодать, и его сердце стало твердым, подобно кремню. А так как ему захотелось узнать, что сие означает, Бог ответил ему: «Посмотри, раз ты прогнал от себя бедную жену с опечаленным сердцем, не утешив его, то и Я отнял у тебя Мою божественную благодать». Служитель глубоко вздохнул, хлопнул себя по груди, бросился ко воротам и, не найдя там жены, принялся горевать. Забегал в поисках и привратник. Когда он ее отыскал сидящей и плачущей, и она вернулась к воротам, Служитель с любовью принял ее, милостиво утешил ее печальное сердце, а затем, оставив ее, пошел в дом капитула. В тот же миг ему явился милостивый Господь со Своей божественной радостью, как все было и раньше».

Тогда дочь сказала: «Кому Бог даровал сию исполненную ликования радость, тот смог бы вынести любые страдания». Служитель ответил: «Увы, впоследствии это пришлось зарабатывать великим страданием. Наконец, когда все было уже позади, и Бог посчитал, что время настало, сия ликующая благодать к нему вернулась опять и оставалась с ним постоянно. И был ли он дома или в отъезде, среди людей или без них, в бане либо за трапезой – благодать оставалась неизменной, но она в нем была внутренним образом, а не внешним».

Глава LI. Разъяснение, где есть Бог и как есть Бог

Добрая дочь сказала: «Государь, теперь мне стало понятно, чем является Бог. Но мне хотелось бы разузнать, где Бог обретается». Служитель ответил: «Тогда послушай вот что».

Учителя говорят, что у Бога нет *где*, Он – все во всем⁷. Отверзи внутренние уши души и слушай внимательно. Те же учителя, уча науке логики, утверждают, что, исходя из имени, можно в известной мере приблизиться к познанию вещи. Так вот, один из них сказал, что первым именем Бога является «бытие»⁸. Направь свой взор к бытию в его обнаженной простоте, отбросив это и то участвующее в нем бытие. Возьми только бытие само по себе, несмешанное с небытием. Всякое небытие отрицает всякое бытие. Но так же

⁷ 1 Кор. 15, 28.

⁸ Damascenus. De fide orthodoxa. – I, 9.

действует и бытие само по себе, отрицая всякое небытие. Вещи, которой надлежит появиться или которая когда-то была, нет в существующем настоящем. Смешанное бытие и небытие можно опознать не иначе, как приняв во внимание всяческое бытие. А это – не раздельное бытие того или иного творения, ибо раздельное бытие насквозь смешано с чем-то иным, с возможностью что-то принять. Стало быть, само по себе безымянное божественное бытие должно быть всяческим бытием, содержащим любое отдельное бытие в своем настоящем. Достойна удивления слепота нашего разума, ибо он не может распознать того, без чего не способен ни постичь, ни узреть чего-либо. С ним случается, как с оком: когда тому удастся увидеть многообразие цветов, оно не взирает на свет, при посредстве которого созерцает все постороннее. А если око заметит и свет, то все же не возьмет его в толк. Именно так обстоит дело и с оком нашего разума. Созерцая это или то бытие, оно пренебрегает самим бытием – сплошным и простым бытием, сущим повсюду, силой которого воспринимает все остальное. На него оно не обращает никакого внимания. Потому-то один мудрый учитель сказал: по причине своей немощи око нашего разума относится к очевиднейшему самому по себе бытию не иначе, как око летучей мыши относится к ясному сиянию солнца⁹, ибо разделенные сущие рассеивают и ослепляют разум, так что тот не может узреть божественный мрак, являющийся сам по себе ярчайшим сиянием.

Итак, отвори свои сокровенные очи, посмотри, как умеешь, на бытие, взятое в его простой чистоте, и ты сразу увидишь, что оно ни от кого [не имеет начала], не имеет ни до, ни потом, что оно неизменно внутри и снаружи, ибо является простым бытием. Ты также заметишь, что оно в наибольшей мере действительно, все проникая, всегда всему соприисутствует, что оно самое совершенное из всего, что в нем нет недостатков и перемен, ибо оно едино-единое в препростой наготе. Сия истина столь очевидна для просвещенных умов, что они ничего иного даже не могут помыслить, ибо одно доказует и предлагает другое: поскольку сие бытие просто, ему необходимо пристало быть первым, вечным и не быть от кого-то, а так как оно первое, вечное и простое, ему надлежит всегда всему соприисутствовать. Оно обретается в наивысшем совершенстве и наивысшей же простоте, к нему ничего не может прибавиться, и от него ничего не может отняться.

Если только сумеешь понять, что я поведал тебе о нагом Божестве, то будешь в надлежащей мере наставлена в непостижимом свете тайной божественной Истины. Оно чистое простое бытие есть высшая Первопричина всякого предметного бытия; всему соприисутствуя (притом особенным образом), оно обнимает собой всякое временное становление, как начало, так и конец всякой вещи. Потому-то один учитель и говорит: «Бог есть замкнутый круг, центр этого круга повсюду, а его окружность нигде»¹⁰.

Дочь сказала: «Хвала Богу! Насколько возможно, я наставлена в том, что такое есть Бог и где Бог обретается, а теперь мне хотелось бы знать, как Он может быть совершенно простым и при этом троичным».

Он начал [говорить] и сказал: «Всякое бытие – чем оно проще само по себе, тем разнообразнее в своей могучей способности. Что ничего не имеет, ничего и не даст, а что много имеет, то и дать может многое. Раньше уже говорилось о втекающем и через край перетекающем Благе, каковым Бог является Сам по Себе. Его бесконечная и сверхъестественная благодетельность понуждает Его, чтобы Он восхотел свободно разделить из Себя и в Себе, не желая быть одному. Ну, и поневоле понадобилось, чтобы у высшего Блага было высшее и предельное истечение Себя Самого. Но оно не будет таким, если только не происходит во всякий момент, не является внутренним и субстанциальным, личностным и естественным, не случается необходимым образом без принуждения, если оно не бесконечно и не совершенно. Все же прочие истечения – во времени, в области тварного – суть отблеск вечного истечения бесконечной божественной благодетельности. Учителя говорят, что в истечении твари из Первопричины есть круговое замыкание конца на начало, ибо, как истечение Лиц из Бога является прообразом происхождения творения, так оно является и прологом возвращения творения в Бога.

⁹ Aristoteles. *Metaphysica*. – A 993 b 9.

¹⁰ *Liber viginti quattuor philosophorum*. – § 2.

Но примет и различие между истечением творений и истечением Бога. Ибо, поскольку творения имеют раздельное бытие, постольку то, что ими дается и что изливается ими, тоже умеренно и частично. В качестве отца человек дает своему сыну, когда тот рождается, частицу своего бытия, но целиком и без остатка он ему того не дает, чем является сам, ибо и сам он есть частичное благо. Что же касается божественного истечения, то известно, что оно гораздо внутренней и благородней, соответствуя величине того блага, коим является Бог, бесконечно превышающий всякое прочее благо. Из этого по необходимости следует, что Его истечение соразмерно Его бытию, а это невозможно, если истечение Его бытия происходит не личностным образом.

Если сумеешь посмотреть просветленным оком и узреть чистейшую благостыню высшего Блага, она же по сути своей есть постоянное и деятельное начало того, чтобы возлюбить себя самого естественно и добровольно, то увидишь изобильное, сверхъестественное изливание Слова из Отца, Коего порождением и говорением произнесена и дана всякая вещь. Ты также увидишь, как в верховном Благе и в высшем истечении необходимым образом возникает пресвятая Троица: Отец, Сын, Святой Дух. Поскольку высшее истечение происходит из верховной сущностной благостыни, то в истекающей Троице должны быть вышняя, предельно общая сущность, высшее подобие и самостоятельность бытия; их Лица имеют во внутри остающемся истечении вовне, в соответствии с не членимой субстанцией и неделимым всемогуществом трех Лиц в Божестве».

Дочь сказала: «Воистину, я плаваю в Божестве, подобно орлу в воздухе!»

Служитель ответил: «Того, как Троица божественных Лиц может пребывать в единстве единого бытия, никто не способен выразить словом. Святой Августин говорит (насколько об этом, вообще, можно судить), что Отец есть начало всякой божественности Сына и Духа, в Их Лицах и Их бытии¹¹. И Дионисий глаголет, что в Отце – истечение Божества, или источник, и этот источник естественно изливается в прозябающем Слове, Оно же является Сыном [Отца] по природе; источник изливается также в любвеобильной щедрости воли¹², и это есть Святой Дух.

Сей скрытый смысл нам раскрывает и выявляет для нас ясный свет, святой Фома, возлюбленный учитель, он говорит: «При изливании Слова из Отцова сердца и разума должно случиться вот что: обращаясь в Своем светоносном познании к Своему же божественному бытию, Бог взирает на Себя Самого. Если бы в разуме Отчем предметом познания было не божественное бытие, тогда зачатое Слово не могло бы быть Богом, но было бы тварью»¹³. И это было бы неверно. А так, будучи из божественного бытия, Оно – божественного бытия. Взор, брошенный на себя божественным бытием в разуме Отчем, заключается в образовании природного подобья себе, иначе бы Слово не было Сыном. Здесь мы имеем единство бытия и нетождество Лиц. И дабы надежно засвидетельствовать такое различие, пророк высоко парящий орел, святой Иоанн: «Слово было в начале у Бога»¹⁴.

Излияние же Духа надлежит разуметь так, что субстанция божественного разума представляет собою познание, а оно по своей форме, содержащейся в разуме, должно обладать тою склонностью, чтобы устремляться к предмету познания. Сия склонность есть воля, чье влечение заключается в том, чтобы искать удовольствия в лучшем. При этом также заметь, что предмет, коим является Возлюбленный в Любящем, состоит не в подобии форме [того или иного] естества, в отличие от предмета разума в свете познания. Поскольку Слово истекает из взора Отца в смысле естественной формы, в личном различии, то сие истечение из Отца именуется рождением; поскольку же способ истечения воли и любви не таков – когда в ходе любовного изливания истекает третье Лицо от обоих: Отца и Его образа, [Сына], оттиснутого изнутри сокровенной бездны Отца, – постольку третье Лицо не может называться ни «рожденным», ни «Сыном». А так как любовь разумно и духовно обретается в воле в качестве склонности, или любовной связи между любящим и тем, что любящий любит, то третье Лицо несет в себе то начало, которое напоминает собой любовное движение воли, почему это Лицо и именуется «Духом». Здесь чело-

¹¹ Augustinus. De trinitate. – IV, 20, p. 29.

¹² Dionysius. De divinis nominibus. – II, 5, p. 7.

¹³ Thomas Aquinas. Summa contra Gentiles. – IV, cap. 11.

¹⁴ Ин. 1, 1.

век преобразуется божественным светом, причем столь таинственным образом, что сего никто заметить не может, разве что тот, кто сие пережил».

Дочь сказала: «Ах, государь, сколь возвышенно учение Христово! Между тем, встречаются некоторые наделенные разумом люди, которые отрицают все то, что здесь говорилось о Боге. Они считают, что если кто-то хочет взойти к наивысшему, то для того досадной помехой становится Бог. Такому человеку нужно отречься от Бога и отказаться от Духа, также ему подобает обернуться спиной ко всем созерцаниям, обратившись к той только сияющей истине, каковой он является сам для себя».

Служитель ответил: «Учение сие, по общему мнению, ложно. Потому оставайся к нему непричастной и выслушай, чего держится в этой связи христианская вера. Вообще говоря, под Богом разумеют, Господа целого мира, Который не оставляет без наказания ни одного злого и без награды ни одного доброго дела. Кто совершает грехи, для того Бог – Бог беспощадный, как говорит добрый Иов: “Я всегда боялся Бога, как мореходы боятся высоких волн”¹⁵; кто служит Богу, помышляя о великой награде, тот имеет великого Бога, способного велико его наградить. Но кто преуспел в делании и познании, исторг из себя, посредством многократного умирания, всякое ненавидимое Богом несовершенство и всегда служит Богу с любовью, тот не принимает в своем сердце Бога как Бога в означенном смысле. Он, воистину, обезбожен, свободен от Бога, возлюбив Его как любезного сердцу Возлюбленного, ибо у него отпал рабский страх, как сказано Павлом¹⁶... Вот так у божественного человека Бог остается, подлинно, Богом и Господом, хотя человек и пребывает свободным от Бога в том, грубом смысле, ибо он постиг наивысшее.

А вот как человеку надобно быть обездушенным, стать свободным от духа, послушай о различии. Уже с самого начала уяснив себе, что он – тварь, составленная из тела и души, и что тело смертно, а душа – вечный дух, человек прощается с телом, со всем его скотством, и, обратившись к духу, подчиняет ему [свое] тело. Все его действие направленно внутренним рассуждением на сверхсущественный Дух: как бы Его обнаружить, как Его обрести и свой дух объединить с этим Духом. Таких людей называют духовными, святыми людьми. И вот, когда человек начинает подвизаться в делании и затем длительное время в нем упражняется, а сверхъестественный Дух постоянно играет пред ним, но его никак не удается стяжать, тогда, сознавая свое бессилие, сотворенный дух начинает отдавать себя до конца, в отказе от собственной самости, вечной божественной силе и, презирая свое, устремляться от себя самого в непомерность высшего Бытия. В такой-то охваченности дух приходит как бы в забвение и к утрате себя самого, как сказал Павел: “Уже не я живу”¹⁷, и как Христос говорил: “Блаженны нищие духом”¹⁸. Таким образом, дух оставляется в своем существе, хотя и становится обездушенным, в смысле утраты свойств, которыми некогда обладал.

Еще мне хотелось бы тебе рассказать о различии между чистой истинной и сомнительными видениями предметов, подлежащих познанию. Не опосредованное ничем созерцание обнаженного Божества несет в себе, без всякого сомнения, подлинную и чистую истину. В какой мере видение разумно, безобразно, чем больше похоже на такое, не опосредованное созерцание, настолько оно благородней. Иные из пророков имели весьма красочные и образные видения, как, например, Иеремия и прочие. Подобные видения еще часто бывают у тайных Божьих друзей – в бодрствовании ли, или во сне, в тихом покое и отрешенности от внешних чувств. Один учитель сказал, что некоторым людям явление ангелов чаще бывает во сне, нежели наяву, ибо во сне человек в большей мере спокоен и избавлен от воздействий разнообразной внешней действительности, чем это бывает при бодрствовании.

Но когда видение, бывшее у кого-то во сне, может и должно называться истинным видением (так в Ветхом Завете королю Фараону снилось о семи тучных и семи тощих коровах¹⁹, и Священное Писание рассказывает о многих подобных же снах), и как здесь отличить правду [от вымысла] (ведь сны в большинстве случаев лгут, хотя, несомненно,

¹⁵ Ср. Иов 31, 23.

¹⁶ Рим. 8, 15.

¹⁷ Гал. 2, 20.

¹⁸ Мф. 5, 3.

¹⁹ Быт. 41, 1-4.

время от времени открывают и истину), – об этом тебе нужно узнать, прочитав, что пишет святой Августин о своей святой матери. Она ему говорила, что у нее от Бога есть такой дар: когда ей что-либо сообщается Богом в глубоком сне или же полусне, то ей вместе с тем изнутри дается и различение, дабы правильно распознать, был ли то обыкновенный сон, которому вовсе не следует верить, или то было видение в образах, и ему надлежит доверять²⁰. Кому Бог дарует такую благодать [различения], тот легко с этим может управиться. Но никто не сумеет поведать об этом кому-либо другому в словах; уразумеет лишь тот, кто оно испытал.

Глава III. О высшем парении наделенного опытом разумного духа

Мудрая дочь говорила: «Я ничего не хотела бы выяснить с той же охотой из сочинений [отцов], как возвышенное истолкование того, где и каким образом, в глубочайшей бездонности [Божьей], познанию испытанного в духовном делании человека надлежит прийти к своей высшей цели, но выяснить так, чтобы добиться согласия между жизненным опытом и изложенными в сих сочинениях мнениями». Тогда Служитель извлек из писаний разумный ответ, и в нем, в соответствии с его скрытым смыслом, говорилось вот что:

«Всякий человек высокого рода примеряет к себе в совершенной невозмутимости духа слово, которое исполнено глубокого смысла и изречено вечным Сыном в Евангелии: “Где Я, там должен быть и служащий Мне”²¹. Кто не убоился этого самого *где*, воспринятого в человеческом естестве на кресте умирающим Сыном, сего тяжкого *где* следования за Христом, тот, согласно Его обетованию, сможет усладиться радостным *где* Его сыновнего обнаженного Божества разумным, ликующим образом во времени и во веки веков, насколько это возможно, меньше или больше.

Ну, а где обретается оное *где* обнаженного божественного сыновства? В избылиующем образами свете божественного единства – в качестве “ничто”, по свидетельству его безымянного имени; сущностной тишины, в смысле сворачивания [Божества]; природы Троицы, в смысле [Его] не исходящего изнутри разворачивания; светом самобытности, с точки зрения свойств; бытия, дарующего всему бытие, с точки зрения нетварной причинности. В этой темной нерасчлененности исчезает всякая множественность. Дух же утрачивает свое своеволие, прекращается как самостоятельный деятель. Вот – высшая цель и бесконечное *где*, в котором обретает свое завершение духовное устремление всяческих духов. Навсегда в нем себя потерять – вечное блаженство.

Чтобы сие уразуметь еще лучше, тебе надобно знать, что в исполненном образами свете божественного единства обретается неизбывное начало истечения Лиц из всемогущего вечного Божества, ведь троица Лиц – в единстве природы, и единство природы – в троице Лиц. Единица имеет Свое осуществление в Троице, а Троица имеет Свою возможность в Единице, как глаголет святой Августин в книге “О Троице”²². Троица Лиц заключает в себе Единицу как свою природную сущность. Посему каждое из Лиц – это Бог, а в смысле простоты [Своего] естества – Божество. Единица сияет по-разному в Троице, но Троица, непрестанно сворачиваясь, просто сияет в Единице, ибо Сия Троице просто в себе заключает. Отец есть начало для Сына, Сын же есть истечение, вечно истекающее в качестве Лица из Отца, и в Нем остающееся, имея с Ним единую сущность. Отец и Сын изливают Свой Дух. Единица, будучи сущностью, в которой случилось первое истечение, является тою же сущностью для всей троицы Лиц. Но как Троица может быть Единицей – Троица Единицей в единстве природы и, тем не менее, Троицей помимо Единицы – сего невозможно изречь по причине простоты глубокого [божественного] основания.

Сюда, в сверхразумное *где* возносится дышащий дух – и порой он летит в бесконечной выси, а порой плывет в бездонных глубинах, благодаря возвышенным чудесам Божества... И все-таки дух духовным же образом пребывает в наслаждении одинаково вечными, равно могущественными Лицами, которые, оставаясь в себе, однако же, истекают, – [дух наслаждается Ими], будучи отрешен от мглы, суеты низших вещей и вглядываясь в божественные чудеса. Ибо, какое чудо может быть больше обнаженной Едини-

²⁰ Augustinus. Confessiones. VI, cap. 13.

²¹ Ин. 12, 26.

²² Augustinus. De trinitate. – I, VII.

цы, куда погружается Троица Лиц, стремясь к простоте, где всякая множественность утрачивает свое раздельное бытие? Сие надобно разуметь так, что истечение излившихся Лиц во всякое время возвращается вспять в единство той же самой [божественной] сущности. И все творения, изливаясь вспять возвращающимся образом, вечно пребывают в Единице, живут, познают и бытийствуют в божественном бытии, согласно тому, как Евангелие говорит *In principio*: “Что начало быть, было в Нем вечной жизнью”²³.

Сия обнаженная Единица есть темная тишина и спокойный покой. Его никто не может уразуметь, разве что тот, в ком Единица воссияла Своей самобытностью. Из тихого покоя сияет подлинная свобода, лишённая всякого зла, ибо она рождает себя в самоотверженном возрождении. Здесь же сияет и сокровенная истина без всякой неправды, она рождает себя в разоблачении облаченной наготы и чистоты. Ибо здесь дух очищается от темного света, сопутствующего ему в человеке, дабы ему открылись [все] вещи. Он очищается от темного света, поскольку вновь обретает себя – и при этом в более подлинном виде, в сравнении с тем, в каком обретался доселе в смещении с тем самым светом, как сказал Павел: “Живу я, но уже не я”²⁴. Вот так разоблачается он, становясь безвидным в безвидности простой божественной сущности, излучающейся во всякую вещь в простой тишине. Там, в простом безвидном виде [сей сущности] ускользает от взора различие Лиц, остающееся, если Лица брать по отдельности. Как говорится в писаниях, ни Лицо Отца, взятое отдельно, ни Лицо Сына, ни Духа Святого, взятые по отдельности, не сообщают блаженства. Три Лица, пребывающие в единстве сущности, – вот это блаженство! Такова сущность трех Лиц в Их естестве, дающая по благодати бытие всем творениям. Она заключает в себе образ всякой вещи просто и сущностным способом. Поскольку исполненный образ свет бережет свое естество, то вещи обретаются в нем в соответствии с его существом, а не в случайном разнообразии образов. Так как он просвещает собою все вещи, то обладает свойствами света. И так-то в сущности, в сущей [в ней] тишине сияют все вещи, в соответствии с простотой оной сущности.

Это самое, умоозримое *где*, о котором шла речь и в котором верный служитель должен пребывать вместе с Сыном, можно уразуметь и назвать сущим, безымянным “Ничто”. Тут [человеческий] дух достигает Ничто единения. Сие единение оттого зовется “Ничто”, что дух не может подобрать [для него] образа, чем бы оно могло быть. Но дух вполне сознает, что он охвачен чем-то другим, чем не является сам. Потому то, что охватило его, есть скорее Нечто, нежели Ничто. Но для духа оно и в самом деле будет Ничто, ибо ему не удастся найти образа для того, что оно есть.

И вот, когда дух в забвении себя самого до конца вселяется в сию ясную светоносную тьму, то, как говорит святой Бернард, он утрачивает любое препятствие и всякое свойство²⁵. Это случается в меньшей или большей мере, в соответствии с тем, обретается ли дух в теле, или удалился из тела и от себя самого в [Бога]. Такая утрата собственной самости – Божия рода, ведь Бог для духа, по слову Писания, становится всем²⁶. Но в этом погружении дух исчезает не полностью. Он обретает некие свойства Божества, хотя не становится Богом по естеству. То, что с ним происходит, случается по благодати, ибо он – нечто, сотворенное из ничего, и таковым пребудет во веки. Насколько можно судить, в утрате себя самого, охваченности [Богом] от него отступает досаждающее сомнениями удивление перед этой утратой. В бытии [Божием] он лишается своей самости в забвении себя самого, ибо, если судить в согласии с общим мнением, дух, сверх своих природных возможностей, возводится, посредством силы лучающейся светом божественной сущности, в наготу оного Ничто. Такая нагота совершенно свободна от твари, в себе же самой она обладает особым способом [бытия] в соответствии с собственной сущностью. Этот способ без способа есть сущность [божественных] Лиц. Согласно основательному разумению, Они ее заключают в Себе препростым способом как Свое естество. Итак, познание, как сказано, лишает дух себя самого. Это случается в Ничто единения, в соответствии с непостижимым познанию сего Ничто, лишённого представления о себе. Дух лишается себя в утрате себя самого и в забвении всего. Такое с ним приключилось, едва он сам по себе от-

²³ Ин. 1, 3-4.

²⁴ См. прим. 17.

²⁵ Bernardus. De diligendo Deo. – 10, p. 27-28.

²⁶ Ср.: 1 Кор. 15, 28.

вернулся от того, что возник сам, и возникли все вещи, к тому, когда в чистом ничто еще ничего не возникло.

В этих-то диких горах сверхбожественного где обретается бездонная пропасть, зримая чистым духам и игриво манящая их. В ней они попадают в сокровенную безымянность и в полное отчуждение от себя. Она лишённая дна глубокая бездна является дном, основанием для всех тварей и для себя самое, хотя и скрыта от всего, что есть кроме нее и тех, кому она пожелает себя сообщить. Сии должны ее бесстрастно искать и некоторым образом познавать посредством нее же самой, как Писание гласит: «Тогда познаю, подобно, как я познан»²⁷. Такое познание дух имеет не от себя самого – Единица влечет его в Троицу Саму по Себе, то есть в его подлинную сверхъестественную обитель, где, возвысившись над собою, он обитает в том, что тянуло его. Здесь, полный жизни, дух умирает в чудесах Божества. Его смерть заключается в том, что в своем погружении [в Бога] он не различает собственной сущности. Но по возвращении из созерцания он различает себя с троицей Лиц, и каждой вещи различающим образом предоставляет быть тем, что она есть. Служитель это подробно изложил в «Книжице Истины»²⁸. Заметь себе еще один пункт. В описанном ранее погружении [в Бога] из Единицы струится простой свет. Сей безобразный свет излучается от троицы Лиц в чистоту духа. По причине этого направленного в него излучения дух отступает от себя самого и всей своей самости. Отступает он и от деятельности всех своих сил, разоблачается от себя самого и лишается себя самого. Такое случается в восхищении, ибо он изошел из своей самости и потерялся в ином бытии, в тиши светлой сияющей темноты и обнаженного простого единства. В этом лишенном образов где обретается высшее блаженство».

Дочь сказала: «О, чудо! Как этого можно достичь?» Служитель ответил: «Предоставлю ответить на этот вопрос просветленному Дионисию, он говорит своему ученику так: «Хочешь ли подняться в сокровенную тайну, тогда смелей восходи ввысь в простое единство, отбросив внешние, внутренние чувства и действие, присущее разуму, все видимое и невидимое, бытие и небытие; в него ты должен прорваться, отказавшись от знания, в молчание, высшее всякого бытия и науки всех мастеров, в нагом восхищении бездонного, простого и чистого разума в ответ божественной темноты. Здесь должны быть все окопы раскованы и все вещи должны быть покинуты, ибо в сверхсущественной Троице сверхбожественного Божества, на сокровенной, сверхнепознаваемой, сверхсияющей, наивысочайшей вершине, в немом молчании слышны чудеса, слышатся новые, отрешенные от земного, неизменные чудеса – в сверхсветлой сумрачной тьме, каковая является сверхъясным светлым сиянием, в котором просветляется все и который переполняет невидимый разум непознанными, незримыми и сверхъяркими светами»²⁹».

Глава III. Завершение повествования сей книги краткими и простыми словами

Дочь сказала: «Ах, государь, исходя из того и другого: своего собственного основания и Священного Писания, Вы ведете речь – причем с таким знанием дела и столь строго сообразуясь с христианским учением – о таинственности обнаженного Божества, истечения и обратном течении духа. Не могли бы Вы набросать свои сокровенные мысли, снабдив их наглядными сравнениями, как разумеете сами, дабы мне их лучше понять? Я также хотела бы, чтобы Вы представили мне кратко и образно те возвышенные мысли, которые раньше изъясняли подробно и тщательно, да закрепятся они крепче в моем слабом уме».

Служитель ответил: «Как в образах представить безобразное и как зримо явить лишённое зримого вида, то, что выше всякого помысла и всякого человеческого разумения? Ибо в тысячу раз неподобней, чем подобней, выдаваемое за подобие. Но, дабы изгнать образы образами, я красочно и уснащенной сравнениями речью раскрою тебе, насколько возможно, те же самые лишённые образов мысли, как их надлежит правильно понимать, и завершу краткими словами долгую речь».

²⁷ 1 Кор. 13, 12. См. также: 1 Ин. 3, 2.

²⁸ Г. Сузо имеет в виду гл. 4 своей «Книжицы Истины».

²⁹ Dionysius. De mystica theologia. – 1, p.1.

Итак, слушай же. Один мудрый учитель сказал, что Бог, если Его взять в Его Божестве, есть как бы обширнейший круг, коего центр находится всюду, а окружность нигде³⁰. Теперь представь себе такой образ: если бросить с размаху камень в покойно стоящую воду, то на воде появится круг. Своей силой он породит другой, а тот, в свою очередь, следующий. Как далеко распространятся круги, зависит от силы первого броска. Она может быть столь велика, что круги пройдут по всей водной глади. Пусть первый круг для тебя станет образом. Это могущая сила божественного естества во Отце, каковая не имеет границ. По подобию себе она родит еще один круг как Лицо, это Сын. Два круга породят третий круг, Дух Того и Другого, равно вечный, равно всесильный. Так три круга означают Отца, Сына и Духа Святого. В сей глубокой бездонности божественное естество во Отце произносит и рождает Слово как Личность, воспринявшее на себя природу человечества. Своей сущностью, впрочем, Оно остается в Отце.

Кто захочет представить сие в виде картинки, тот да возьмет форму какого-нибудь человека, из глубочайшего основания сердца которого возникает подобный же образ, да еще так, что он непрестанно взирает на свое основание и устремлен к нему в попятном движении. Это духовное сверхсущественное порождение является совершенной причиной, из которой производятся все вещи и духи к своему естественному бытию. Высший сверхсущественный Дух облагородил человека тем, что сияет ему из вечного Своего Божества. И это есть образ Божий в разумной душе, каковой тоже вечен. Вот почему из большего круга, означающего вечное Божество, истекают, если обратиться к приведенному сравнению, малые круги. Они могут означать возвышенное благородство разума подобных существ.

Но попадают некоторые люди, которые пагубно отвращаются от сего разумного благородства. Они прикрывают [в себе] оный сияющий образ и обращаются к телесным радостям дольного мира и, когда полагают, что счастье в руках, приходит лютая смерть и всему полагает конец. Разумный же человек, благодаря светозарной искре в душе, обращается к тому, чтоечно и из чего он истек. Распрощавшись со всяким творением, он начинает держаться лишь вечной Истины.

А теперь с помощью отдельных картин рассмотри, как в правильном порядке происходит попятное течение духа. Первая картина представляет свободный уход от радостей мира и греховных изъянов ради того, чтобы обратиться мощным движением к Богу: в усердной молитве, отрешенности от земного и в благочестивых, осмотрительных упражнениях, направленных на подчинение тела духу. Другая картина являет, как добровольно и терпеливо предлагать себя в полной готовности к претерпеванию всяческих бесконечно многих невзгод, уготованных Богом либо виной которым стало творение. Третья картина показывает, как надлежит запечатлеть в себе страдания Христовы, Его сладостное наставление, приветливый нрав и чистую жизнь, которые Он нам предъявил, дабы в том Ему следовать и с Его помощью немало преуспевать. После этого, отложив внешнее попечение, надобно себя утвердить могучим и властным бесстрашием в спокойствии духа, как будто ты помер сам для себя. Не надо к чему-либо стремиться и ни о чем помышлять, разве только о чести и славе Христовой и Его Отца в небесах, а также о том, чтобы смиренно держаться со всеми людьми, как с друзьями, так и с врагами.

После сего обученный человек достигает освобождения от внешних чувств, чрезмерно деятельных в своем проявлении. Дух же приходит в отказе от присущих ему высших сил – высокомерных в своем естестве – к сверхъестественной восприимчивости. Тогда, утратив назойливое естество, дух прорывается дальше внутрь круга, обозначающего вечное Божество, и обретает изобилующее духовное совершенство. Высшее богатство духа, в его собственной форме, заключается в том, что он, несмотря на свою дряхлую тяжесть, воспаряет с помощью божественной силы к просветленному знанию, ощущает неустойчивый прилив небесной отрады. Он способен созерцать вещи в их сокровенном и разумно их объяснять, руководствуясь правильным различием. Он находится в Сыне как надлежащим образом освобожденный чрез Сына, впрочем, пока еще обретаясь как бы в исходе из пристального созерцания вещей в соответствии с их собственным естеством. Это уместно назвать переходом, свершаемым духом. Он – над временем и пространством, иссякнув в любвеобильном созерцании в Боге.

³⁰ См. прим. 10.

Кто же ныне сумеет продвинуться дальше и кому Бог захочет оказать особую помощь, даровав мощное восхищение (какое даровал святому Павлу, что, по слову святого Бернарда, еще и теперь может случиться³¹), того тварный дух будет охвачен сверхсущественным Духом и возведен туда, куда своей собственной силой он не смог бы добраться. Восхищение отымет у него образы, формы, всякую множественность. Он позабудет о себе самом и о всем, будучи возведен вкупе с троицей Лиц в бездну обретающейся в ней простоты, где, в соответствии с высшей истиной, насладится блаженством. Тут больше не будет ни борьбы, ни стремлений, ибо, как дальше изложено посредством картин, начало и конец стали Единым, и дух, лишившись себя, стал одним с этим Единым. А каким бывает оное восхищение, случающееся в сем времени с тем или иным человеком, длится ли оно долго или не долго, слабо или сильно человек в этом времени бывает восхищен выше всякого времени, лишен себя самого и перенесен в безобразную Единицу – о том с добрым различием написано выше.

Государыня дочь, заметь себе только, что все эти нарисованные [мною] картинки и истолкованные образные выражения столь же далеки от безобразной Истины и так на нее не похожи, как черный арап не похож на прекрасное солнце. И это – из-за безобразной, непостижимой простоты указанной Истины».

Благоговейно возведя очи горе, дочь сказала: «Хвала вечной Истине за то, что Вашими мудрыми и добрыми словесами я так превосходно наставлена в том, что представляют собой первые шаги начинающего человека, надлежащие средства воздержания, перенесения страданий и упражнения у совершенствующегося человека, а также и в том, каковы несомненные отличительные признаки тайного явления наивысшей обнаженной Истины. Вечная хвала Богу за это!»

После того, как сия святая дочь была благородно, в соответствии с полнотой христианской истины и с добрым различием наставлена своим духовным отцом на все те пути, что завершаются высшим блаженством, и осознала преподанное ей в той мере, насколько это возможно в сем времени, он ей написал в своем последнем послании помимо прочего так: «Ну вот, дочь, распрощайся с творением и, отложив дальнейшие вопрошания, прислушайся и услышишь сама, что Бог вещает в тебе! Ты можешь возрадоваться: тебе стало известно, что удержано от прочих людей. Как бы тебе ни было туго, все это минует со временем. Тебе же нет нужды делать что-либо, кроме как соблюдать Божий мир в тихом покое и радостно дожидаться своего исхода из времени в совершенное и вечное блаженство».

А вскоре случилось, что она святая дочь умерла, удостоившись столь блаженной кончины, сколь блаженным было и все ее житие. После смерти явилась она в отрешенном [от всего земного] видении духовному отцу своему. Исполненная небесной отрады, она лучилась и ярко сияла в белоснежных одеждах. Дочь подступила к Служителю и показала ему, сколь благородным образом она погрузилась в обнаженное Божество. Служитель увидел и услышал сие с весельем и ликованием, его же душа из-за этого видения была переполнена божественной радостью. Возвратившись в себя, он глубоко вздохнул и подумал: «Ах, Боже, сколь блажен человек, взыскующий Тебя одного! Для него и страдания желанно, ибо в страдании Ты ниспосылаешь ему великое утешение! Да поможет нам Бог присоединиться к сей святой дочери и ко всем Его любезным друзьям, дабы и нам вечно наслаждаться Его божественным ликом. Аминь!»

MYSTAGOGIA OF H. SEUSE

M.Y. REUTIN

*Institute for Higher Humanities,
Russian University
for Humanities*

e-mail: mreutin@mail.ru

³¹ 2 Кор. 12, 2-5.